

В. М. Тюленев

ЕПИСКОПЫ-РИТОРЫ В ГИМНАХ И ЭПИГРАММАХ ЭННОДИЯ

В свое время для выпуска журнала «Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени», посвященного юбилею Галины Евгеньевны Лебедевой, я написал статью, в которой дал самую общую характеристику Магну Феликсу Эннодию (474–521), особый акцент сделав на его «Панегирике королю Теодориху»¹. В те годы я еще только начинал изучать творчество этого поистине удивительного автора, соединившего в себе стремление к христианским добродетелям и преданность ораторскому искусству, созерцательную жизнь и жизнь активную, поэтому многие оценки оказались, наверное, легковесными, а мысли недосказанными. В нынешней своей статье, посвященной памяти Галины Евгеньевны, я попытаюсь, еще раз обратившись к Эннодию и его творческому наследию, показать, каким образом этот ритор, покинувший шумный форум и обретший покой в диаконском служении, даже в сочинениях духовной направленности стремится примирить веру и риторику.

Проблема синтеза риторики и христианских идей у Эннодия, конечно, не нова, и, пожалуй, нет другого, касающегося Эннодия,

¹ Тюленев, В. М. Эннодий — штрихи к портрету раннесредневекового интеллектуала, В кн.: *Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени: Юбилейный выпуск*. Вып. 8. СПб., 2010. С. 47–60.

вопроса, который бы столь же живо обсуждался в научной литературе. При этом внимание исследователей обращалось, как правило, к эпистолярному наследию Эннодия, что во многом справедливо². Именно в письмах он, ведя диалог с друзьями, пытался решить для себя ключевой вопрос о месте поэзии и литературы в своей новой жизни, связанной со священническим служением. Многие послания позволяют увидеть, как Эннодий отрекался от самого имени свободных искусств (*Ennod. Op. 422, 4*)³, считая важнейшей для себя добродетелью молчание (*silentium*), которое выступало для него неотъемлемой частью смирения (*humilitas*)⁴. С другой стороны, в тех же письмах без труда можно найти оправдание риторики, понимание Эннодием важности школьного образования для своих современников и, что особенно значимо, — признание (пусть и не безоговорочное) пользы мирского образования для священнослужителя. Нет смысла в данном случае вспоминать все тезисы Эннодия, направленные на защиту свободных искусств, поскольку они не раз уже приводились в литературе, в том числе и мною⁵. Но для дальнейшего разговора, касающегося, прежде всего, понимания Эннодием места красноречия в Церкви, излишним будет обратиться к сравнительно позднему его письму, адресованному Камелле, его родственнице, просившей Эннодия позаботиться о ее сыне и дать ему образование, несмотря на то что он уже выбрал путь духовного служения (*Ennod. Op. 431*).

² Из наиболее важных публикаций по этой теме см.: *Schröder, B. Bildung und Briefe im 6. Jahrhundert: Studien zum Mailänder Diakon Magnus Felix Ennodius*. Berlin, 2007; *Marconi, G. Commendatio in Ostrogothic Italy: Studies on the Letters of Ennodius of Pavia*, in: *Studia Patristica*. Vol. 69. 2013. P. 187–196; *Kennell, S. A. H. The Letter Collection of Ennodius of Pavia*, in: *Late Antique Letter Collections. A Critical Introduction and Reference Guide* / Eds. C. Sogno, B. K. Storin & E. J. Watts. Oakland, 2017. P. 369–383.

³ В статье ссылки на труды Эннодия даются по изданию Ф. Фогеля с указанием номера труда (*Op.*), отрывка или стиха (*v.*): *Ennodius, M. F. Opera* / Ed. F. Vogel, in: *MGH AA*. Bd 7. Berlin, 1885.

⁴ *Schröder, B. Bildung und Briefe im 6. Jahrhundert*. S. 68.

⁵ *Тюленев, В. М. Риторическое знание в системе взглядов Эннодия*, В кн.: *Наука и школа*. М., 2012. № 6. С. 156–158; *Тюленев, В. М. Эннодий: римский ритор в эпоху риторического поворота (к 1500-летию со дня смерти)*, В кн.: *Средние века*. Вып. 82(1). М., 2021. С. 151–165.

Эннодий, отвечая на просьбу Камеллы, наставляет ее в том, что служение Христу не приемлет одновременного служения свободным искусствам: «Хотя церковное служение достойно уважения, все же оно не допускает разделения единой души на две части, и труден путь, которым идут ко Христу, и эта узкая дорога никогда не принимает тех, кто поглощен разными заботами. Даритель спасения нашего не отвергает тех, кто спешит к Нему от мирских наук, но не терпит тех, кто идет от Его сияния к тем дисциплинам. Если ты уже вырвала его из мира, не ищи для него мирских одежд» (*Ennod.* Ор. 431, 1). Из «школы» можно (и должно) идти ко Христу, но нельзя от Христа идти к «школе» — вот, казалось бы, главный лейтмотив послания Эннодия. Однако письмо завершается согласием автора принять мальчика: «...следуя воле Божией, приняла отпрыска моего рода» (*suscepi tamen deo auspice sanguinis mea vernulam*, *Ennod.* Ор. 431, 3). Трудно сказать, стоит ли за данным конкретным согласием только проявление родственных чувств, но, как будет видно дальше, примирение у Эннодия поэзии и духовного служения произошло не вдруг.

В этой связи следует обратиться к более ранним сочинениям Эннодия, в том числе к практически неизвестным отечественному читателю. Первым дошедшим до нас литературным трудом Эннодия стала его «Речь, произнесенная в день рождения святого и блаженнейшего папы Епифания в тридцатый год его епископства» (*Ennod.* Ор. 43). Скорее всего, речь, завершающаяся поэмой, состоящей из ста семидесяти строк, была написана и, возможно, произнесена в 495 г., незадолго до кончины епископа. В это время Эннодий уже начал свое служение в церкви Тицина (совр. Павия), успел съездить вместе с Епифанием в Лугдун (совр. Лион) ради освобождения италийцев, оказавшихся в плену у бургундов, и, возможно, носил чин субдиакона⁶. То есть Эннодию было чуть более двадцати лет, и не удивительно, что произнесенная речь не только отражает духовный поиск еще молодого автора, но и несет явные следы школьной традиции, в чем-то напоминая центон. На сто семьдесят поэтических строк в ней приходится 20 атрибутиро-

⁶ *Schröder, B.* Bildung und Briefe im 6. Jahrhundert. S. 82; *Kennell, S. A. H.* Magnus Felix Ennodius: a gentleman of the church. Ann Arbor, 2000. P. 12.

ванных цитат из Вергилия, Сидония Аполлинария и Седулия. Но важна не только привычка самого Эннодия использовать багаж мирского знания для прославления духовного лица. Особенностью поэтической части этой речи является «историческое» оправдание красноречия в деле служения Богу. Среди прочего Эннодий вспоминает в своей небольшой поэме, как дарованные свыше ораторские способности позволили в свое время Моисею очаровать слух фараона (*Ennod.* Ор. 43, 30–35). По сути, Эннодий устанавливает связь литературного, в том числе поэтического, творчества с Богом, который является, с одной стороны, первопричиной этого творчества, а с другой, его целью⁷, поскольку сама поэзия, если она не служит самоцели, направлена, по мнению церковного ритора, на прославление Господа⁸.

Далее в статье мы рассмотрим несколько поэтических произведений Эннодия, а именно его эпиграммы, посвященные медиоланским епископам, и гимны, сочинение которых было задумано Эннодием в самом начале его церковной карьеры. Действительно, в 503 г. по возвращении в Медиолан с заседаний синода, проводившегося в связи с Лаврентиевской схизмой, Эннодий в своей речи, названной *Dictio Ennodi diaconi quando de Roma rediit* («Речь диакона Эннодия, [произнесенная] по возвращении из Рима»), заявил о своем желании взяться за песнопения, взяв в качестве примера Амвросия Медиоланского, «устаи насыщавшего народ» (*Ennod.* Ор. 2, 40). В рамках этого проекта он составил две серии стихотворных произведений, а именно двенадцать эпиграмм, посвященных медиоланским епископам от Амвросия (374–397) до Теодора (475–489), предшественника Лаврентия (*Ennod.* Ор., 195–206), при котором Эннодий нес свое диаконское служение, а также двенадцать гимнов (*Ennod.* Ор., 341–352), в которых воспроизводится амвросианская модель гимна с ее акаталектическим ямбическим диметром⁹.

⁷ *Vandone, G.* Status ecclesiastico e attività letteraria in Ennodio: tra tensione e conciliazione, in: *Atti della prima giornata ennodiana: Pavia 29–30 marzo 2000* / A cura di F. Gasti. Pisa, 2001. P. 98.

⁸ *Bordone, F.* Ennodio e la conversione dell'eloquenza. L'hymnus sancti Cypriani (carm. 1.12H=343V), in: *Athenaeum. Studi di Letteratura e Storia dell'Antichità*. Vol. 101/2. Pavia, 2013. P. 660.

⁹ *Bordone, F.* Ennodio e la conversione dell'eloquenza. P. 626.

Эпиграммы представляют собой краткие зарисовки о жизни и деяниях медиоланских епископов, возможно, сочиненные в качестве надписей, сопровождавших настенные изображения епископов в одной из медиоланских церквей¹⁰. В эпиграммах без труда можно встретить немалое количество агиографических топосов, характеристики добродетелей выглядят, как правило, максимально обобщенными, но исследователи обнаруживают наряду с этим довольно много индивидуальных черт в описании (особенно внешности) епископов¹¹. Безусловно, интересен сам факт составления эпиграмм, который свидетельствует о формировании в Медиолане особой идентичности, строящейся на почитании местных епископов. Но нас в данном случае должны интересовать некоторые элементы модели святости, на которую ориентируется сам и ориентирует своих читателей Эннодий.

В числе этих эпиграмм особый интерес для нас будет представлять эпиграмма, посвященная Амвросию Медиоланскому (*De domni Ambrosii episcopi actibus et vita; Ennod.* Op. 195), с которой есть смысл познакомиться хотя бы потому, что к фигуре святителя Амвросия Эннодий вновь обращается в специальном гимне, да и вообще делает Амвросия ключевой фигурой медиоланской церкви и, наверное, своим учителем в христианской поэзии¹². С первых же строк Эннодий представляет Амвросия в качестве учителя и оратора (проповедника): «Он поступал так, как учил, выделяясь заслугами и честью / нравами и талантом, Амвросий-певец / чей орошающий язык сиял пурпуром» (*Egit quod docuit*

¹⁰ Collins, S. From Martyrs' Cults to Confessors' Cults in Late Antique Milan: The Mosaics of San Vittore in Ciel d'Oro, in: *Journal of Late Antiquity*. Vol. 5. № 2. 2012. P. 245. По мнению С. Коллинз, это могли быть портреты в стиле *imagines clipeatae*.

¹¹ Collins, S. From Martyrs' Cults... P. 245. Mulligan, B. The Poetry of Ennodius: Translated with an Introduction and Notes. Routledge, 2022. P. 15.

¹² Mulligan, B. The Poetry of Ennodius... P. 13–16; Gioanni, S. Augustin, Paulin, Ennode et les origines de la mémoire d'Ambroise (V–VIe siècles). Une nouvelle fondation de l'Église de Milan? / a new foundation of Milan Church?, in: *La mémoire d'Ambroise de Milan. Usages politiques d'une autorité en Italie (V–XVIIIe siècle)* / Ed. P. Boucheron et S. Gioanni. Paris, 2015. P. 240; Urlacher-Becht, C. Les Hymnes d'Ennode de Pavie: un «Noeud inextricable»? , in: *Atelier de Traduction*. Vol. 9. 2008. P. 126.

meritis et honore superstes / Ambrosius vatis moribus ingenio / Roscida regificio cui fulsit murice lingua; 1–3). Надо сразу обратить внимание на то, что, создавая в своей краткой (в четырнадцать строк) эпиграмме образ Амвросия, Эннодий ориентировался на новую модель святости, в целом сложившуюся в агиографии V в.¹³ Его герой — уже не мученик, смертью своей обретший бессмертие, и не чудотворец, а прежде всего епископ, важнейшей добродетелью которого является деятельное пастырское служение¹⁴. Неслучайно первая строка, содержащая, как кажется, аллюзию на Евангелие от Матфея, где Иисус критикует книжников и фарисеев за то, что те поступают не так, как сами учат (Мф. 23:3), указывает на деятельность епископа, связанную с его проповедью. Два глагола *egit* («совершал») и *docuit* («учил») идут в связке друг с другом.

Используемое далее во второй строке определение *vates*, сопровождающее имя Амвросия (как и в упомянутой выше речи на день рождения Епифания), несмотря на то что в христианской латыни оно стало синонимом *episcopus*¹⁵, необходимо понимать, как думается, прежде всего, в связи с проповедью святителя и переводить как «учитель», «пророк», «певец», «поэт». То есть *vates* явно характеризует Амвросия как человека, пользующегося словом, что подтверждает третья строка эпиграммы, где прямо сказано об орошающем языке Амвросия (*roscida lingua*). Мысль о том, что ораторские дарования помогали Амвросию нести свое епископское служение, продолжается и далее. С шестого стиха Эннодий рисует портрет Амвросия-проповедника, использующего в разговоре с паствой модуляцию голоса, жесты: «Труд уст его был украшен драгоценными камнями. / Он [то] жестом наставлял людей, сдержанно и тихо, / [то] взором испепелял, повергая наземь и браня. / Серьезные проступки он осуждал громогласно, / а незначительную вину преследовал, храня молчание» (*Distinctum gemmis ore parabet*

¹³ Арнаутова, Ю. Е. *Imitatio Christi: Теологема и литературная модель в бенедиктинской агиографии*, В кн.: *Одиссей: человек в истории*. М., 2014. № 1 (25). С. 102; Бабина, А. А. Чудеса как элемент модели святого-патрона в галльской агиографии IV–V вв., В кн.: *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. Иваново, 2022. № 1. С. 86.

¹⁴ *Di Rienzo, D. Gli Epigrammi di Magno Felice Ennodio*. Napoli, 2005. P. 53.

¹⁵ *Bordone, F. Ennodio e la conversione dell'eloquenza*. P. 630.

opus. / Instituit populous gestu probitate pudore, / fovit respiciens perculit admonuit. / Vocis ut officium postrema pericula poscunt, / sic teneras culpas qui tacet insequitur; 6–10).

Нельзя утверждать, что в каждой эпиграмме, посвященной медиоланским прелатам, Эннодий рисует портрет епископа-оратора. Тем не менее он не упускает случая подчеркнуть ораторский талант там, где это было возможно. Так, в эпиграмме, посвященной Венерии (400–409), третьему после Амвросия епископу Медиолана, из десяти строк пять направлены на прославление красноречия епископа: «Он мягко наставлял людей в старых истинах, / золотые слова струились с [его] щедрого языка, / солнце жизни сделало речь [его] блистательной; / чтобы чрево Церкви становилось тучным от семени слова, / не было недостатка в пище апостольского млека» (*Cana tener populis dogmata disseruit, / aurea fluxerunt locupletis schemata linguae, / sol vitae nitidum reddidit eloquium, / alvus ut ecclesiae tumuisset semine verbi, / non deerat pastus lactis apostolici; Ennod. Op. 197, 6–10*). Если учесть, что в начале эпиграммы Эннодий вспоминает первые шаги Венерия на пути к епископской кафедре, то, по сути, вся характеристика его в качестве архиерея сводится к прославлению его как искусного проповедника. Эннодий, писавший эпиграмму почти спустя век после кончины Венерия, наверняка опирался на сохранившуюся в городе память о святителе, который проявил себя, в том числе и благодаря писательскому мастерству, что позволило в XX в. даже появиться версии о принадлежности ему проповеди «О таинствах» (*De Sacramentis*), традиционно приписываемой Амвросию Медиоланскому¹⁶. Но вряд ли следует видеть в Эннодии поэта, неосознанно воспроизводящего образ епископа, уже сложившийся и закрепившийся в общественном сознании. Венерий, помимо всего прочего, был хорошо известен как активный участник внутрицерковной полемики своего времени, выступавший на стороне Руфина Аквилейского¹⁷, епископство его пришлось на драматический период вестготских вторжений в Италию, когда от пастыря требовалась всемерная забота о пастве, однако

¹⁶ *Hitchcock, F. R. M. Venerius, bishop of Milan – II, in: Hermathena. № 71. 1948. P. 20–22.*

¹⁷ Об этом см. *Hitchcock, F. R. M. Venerius...*

Эннодий для эпиграммы выбирает только один аспект, связанный с его ораторскими талантами, что кажется весьма показательным.

Еще как минимум два епископа удостоились в эпиграммах Эннодия похвалы за свои риторские способности — епископ Сенатор (472–475), названный им «стражем изящной речи» (*sermonis cura rotunda*, *Ennod.* Op. 205, 3), выведшим на свет тайны пророка (*mysteria clausa prophetae / qui dedit in licem*, 5–6), и его преемник Теодор (475–489), охарактеризованный как «апостольский певец» (*vates apostolicus*, *Ennod.* Op. 206, 2).

Если подвести предварительные итоги, то можно видеть, что красноречие, с точки зрения Эннодия, не только не противоречит священническому статусу, но и является важной стороной служения Христу, позволяющей епископу осуществлять свою пастырскую деятельность: бороться с ересью, учить праведности, истолковывать тайны Писания. Еще лучше новое понимание и даже переосмысление роли риторики Эннодием можно увидеть, обратившись к некоторым его гимнам.

Из двенадцати гимнов Эннодия восемь посвящены святым, четыре из которых тесно связаны с Медиоланом (Назарий, Евфимия, Дионисий и Амвросий). Сочинение гимнов в честь этих святых, так же как и составление эпиграмм в честь медиоланских епископов, можно связывать с формированием исторической идентичности жителей христианского Медиолана, диаконом церкви которого был Эннодий. Таким образом, серия эпиграмм с портретами медиоланских епископов дополнялась прославлением живших ранее святых, начиная с принявшего мученическую смерть во времена Нерона Назария. Амвросий же, удостоенный двух поэтических текстов, выступал некоторой связующей фигурой, завершающей один и открывающей другой этап истории медиоланской церкви. Не будем также забывать о важности Амвросия как поэтического вдохновителя Эннодия¹⁸, максимально воспроизведшего амвросианскую модель гимна с ее акаталектическим ямбическим

¹⁸ *Alfonsi, L. Ambrogio in Ennodio*, in: *Ambrosius episcopus. Atti del Congresso Internazionale di studi ambrosiani nel XVI Centenario della elezione di sant'Ambrogio alla cattedra episcopale (Milano 2–7 dicembre 1974)* / A cura di G. Lazzati. Milano, 1976. Part 2. P. 125–129; *Gioanni, S. Augustin, Paulin, Ennode...* P. 239.

диметром¹⁹ и оформившего каждый гимн в виде восьми четверостиший. Два гимна посвящены общехристианским святым, а именно Деве Марии и Первомученику Стефану, почитание которого на латинском Западе заметно усилилось после обретения мощей этого святого в 415 г. по прибытии их частицы сначала в Африку, а потом и на Минорку. Еще два гимна Эннодий посвятил Киприану Карфагенскому и Мартину Турскому, что также неудивительно. Слава о Мартине благодаря Сульпицию Северу разошлась далеко за пределы Тура, а само житие, написанное Сульпицием, стало своеобразным эталоном для создания агиографических памятников. Что же касается Киприана, то внимание к нему Эннодия можно объяснить важностью самой фигуры этого святого для латинской церкви и интересом к нему не только в Африке, но и в самой Европе.

Но обратимся к гимну, посвященному Амвросию Медиоланскому. Собственно, первое двестишие уже дает некоторую сумму достоинств святого: «На небо возносят Амвросия / имя, честь и дело» (*Caelo ferunt Ambrosium / Nomen honor vel actio; Ennod. Op. 346, 1–2*). При этом Эннодий, очевидно, намекает на значение имени Амвросия, происходящего от греческого существительного *ambrosia* (пища богов), на его аристократическое происхождение и, конечно, неустанное радение о пастве. Благодаря этой деятельности и тому, что «жил он не ради себя, / а всецело ради Создателя своего» (*Ennod. Op. 346, 10–11*), он оказался достойным преемником апостолов (*Ennod. Op. 346, 12*); он также воин Христов, «который ведет битвы Христовы» (*qui bella Christi militat, Ennod. Op. 346, 18*) и даже после смерти продолжает оказывать помощь (*Ennod. Op. 346, 20*). Оставляя в стороне эти и другие характеристики, данные Амвросию Эннодием, обратим внимание на то, какое место в этой модели святости занимает красноречие и ученость пастыря. В четвертой строфе гимна Эннодий после слов о том, что Амвросий вернул изгнанную веру, говорит об ораторском могуществе епископа: «Он воспел триумф мучеников / лавром полного силы языка. / Устами он вырвал добычу / из пасти свирепого змея» (*Dixit triumphos martyrum / Linguae virentis laureis. / Hic ore praedam sustulit / De fauce serpentis feri, Ennod. Op. 346, 14–17*). В данном случае

¹⁹ Bordone, F. Ennodio e la conversione dell'eloquenza. P. 626.

обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, происходит некоторое переосмысление мученического подвига. Акцент переносится с мученичества как такового, на духовный смысл памяти о нем. Проще говоря, рассказ о мученичестве становится не менее важен, чем само мученичество; прославление мучеников обеспечивает им земное бессмертие. И в этой связи, конечно же, возрастает роль самого прославляющего, чей литературный гений помогает обессмертить подвиг мучеников за веру. Во-вторых, как можно заметить, важнейшим оружием пастыря оказывается его способность говорить: не с помощью чудес, но силой слова он одолевает змея, и не случайно Эннодий говорит о языке святого как о «полном силы» (*virens*). Упоминание же в характеристике языка Амвросия лавра, традиционно служившего атрибутом Аполлона, превращает медиоланского епископа в настоящего античного певца.

Наконец, обращают на себя внимание финальные слова гимна, где Эннодий, суммируя все сказанное прежде, восклицает: «учитель тех, кто учит» (*magister est docentium*, *Ennod.* Ор. 346, 32). Таким образом, Амвросий для слушателей гимна становится не просто кормчим Церкви (*Ennod.* Ор. 21), но и учителем, который и сам силой слова сражался с врагами веры, и наставил в этом других. Впрочем, краткость гимна и возникающая в результате этого двусмысленность некоторых фраз оставляют возможность отнести эти слова, как и всю последнюю строфу, не к Амвросию, а к Богу: Он «пастырь жрецов... пасет стадо владык, / Он учитель тех, кто учит» (*Ennod.* Ор. 31–32). Но даже если в данном случае Эннодий славословит Бога, это не отрицает, а только усиливает мысль о божественном происхождении учительства и красноречия.

Мысль о том, что красноречие дано людям в качестве божественного дара, неоднократно повторяется Эннодием²⁰. Гимн, написанный в честь праздника Пятидесятницы, собственно, открывается этим тезисом, который, таким образом, превращается в программное заявление: «Это и есть высший дар, / что язык служит языкам» (*Et hoc supernum munus est / quod lingua linguis militat*; *Ennod.* Ор. 344, 1–2). Но в том же гимне Эннодий настаивает также

²⁰ *Prontera, A. La laus litterarum di Ennodio (dict. 12 = 320V.): appunti per un commento, in: Incontri di filologia classica XVII. 2017–2018. P. 299.*

на том, что этот божественный дар требует «возврата», ответного дара в виде хвалы Богу (*Ennod.* Ор. 344, 3–4). Эта, казалось бы, естественная для христианина мысль имеет особое значение для Эннодия, воспитанного в традициях школьной риторики, неоднократно подвергавшейся критике за тщетность. Она высказана Эннодием именно в тот период его жизни, когда он переживает серьезную внутреннюю борьбу, связанную с отказом от своего риторского прошлого²¹. Вспомним хотя бы его письмо к Маскатору: «... не ищет великолепия речей тот, кто ценит молитву... я бегу от того, что ведет к славе; словно порока, сторонюсь я того, что возвеличивает; я считаю грехом то, что меня поднимает и превозносит... Я не оправдываюсь, прикрывая словами истину, когда заявляю, что все, что принесли мне заботы о свободных искусствах, я уже оставил, и что в русле некогда полноводной реки течет теперь едва заметная струйка высохшего красноречия. Я молчу (ибо язык, который благодаря использованию был ярким, стал тусклым вследствие иного применения), что вместо красноречия наступило молчание, что вместо высокого нами ценится смиренное» (*Ennod.* Ор. 95, 4).

Эта же мысль о том, что слово, являющееся божественным даром, должно служить делам веры, активно разрабатывается Эннодием в гимне Киприану Карфагенскому (*Ennod.* Ор. 343). В первой же строке гимна он соединяет две ипостаси Киприана, вокруг которых строится все дальнейшее прославление святителя, и называет его певцом (пророком) и мучеником (*vatis Cypriani et martyris*; v. 1). Как уже говорилось выше, *vates* в литературе V в. все больше выступает в качестве синонима *episcopus*, но в отношении Киприана, как и прежде Амвросия, Эннодий использует его, ориентируясь на первоначальный смысл («пророк», «певец», «поэт»). Далее со второй строки гимна Эннодий перечисляет достоинства Киприана, которые гарантировали ему, принявшему мученическую смерть, победу над вечной смертью: «сердце, язык, мысль, достоинство / сокрушают, стяжая, смерть: / казнь даровала животворящую могилу» (*cor lingua sensus dignitas / mortem ferendo proruunt: / vitale bustum nex dedit*; *Ennod.* Ор. 343, v. 2–4). Последовательность, в которой

²¹ Schröder, B. *Bildung und Briefe im 6. Jahrhundert*. S. 134; Bordone, F. *Ennodio e la conversione dell'eloquenza*. P. 628.

перечислены достоинства Киприана, вряд ли может считаться случайной. На первое место ставится «сердце», главноеместилище чувств человека, в том числе его любви к Богу, далее следует язык, внешне выражающий то, что пребывает у человека внутри, на третьем месте — мысль или образ мыслей, формируемый посредством языка, наконец, достоинство епископа, полученное благодаря сердцу, языку, образу мыслей и, с другой стороны, выражающее власть над паствой²². Последняя из приведенных строк, выражающая торжество жизни над смертью посредством оксюморона «животворящая могила», указывает не только на обретение мучеником вечной жизни на небесах, но и, возможно, на земное бессмертие, обеспеченное его достоинствами, в том числе языком и образом мыслей.

Несколько следующих строф гимна практически целиком посвящены прославлению красноречия Киприана: «Он был ярок в словах, / богат необыкновенной речистостью, / Валы бурлящего потока / и стрелы, пущенные из лука, / одолевая искусной речью, / Богатство досточтимой души / он, по праву, вернул Христу» (*Ennod.* Ор. 343, 6–12). Как видно, две последние из приведенных строки возвращают нас к мысли, высказанной Эннодием в гимне в честь Пятидесятницы, о том, что божественный дар красноречия требует своего возврата в виде служения Христу.

Продолжая и далее рассуждать о Киприане как об ораторе (*orator orat*, *Ennod.* Ор. 343, 14), Эннодий подчеркивает уже силу самого слова, которое, оказавшись в устах ритора (проповедника), способно изменить действительность. В 16-й строке Эннодий указывает, что Киприан «превращает виновных в блаженных, / грехи сокрушая песнею» (*facit beatos ex reis, / peccata rumpens carmine*, *Ennod.* Ор. 343, 16–17). Эти поэтические строки, безусловно, можно понимать как прославление христианской проповеди святого, результатом которой является обращение грешников к праведной жизни. Однако вместе с тем в них легко обнаружить параллель с другим произведением Эннодия, а именно с «Дидактическим увещанием Амвросию и Беату»²³, в котором Эннодий говорит от лица

²² *Bordone, F.* Ennodio e la conversione dell'eloquenza. P. 633.

²³ Наш перевод этого письма см.: *Эннодий*. Амвросию и Беату, В кн.: *Cursus Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. Вып. 6. Иваново,

риторики, что именно ей принадлежит сила превратить человека в виновного или сделать его невинным: «Грешным и праведным всякий становится только моими устами» (*Et reus et sanctus de nostro nascitur ore; Ennod. Op. 452, 17, 5*). Формула гимна *facit beatos ex reis* практически повторяется в увещании в чуть измененном виде: *reus et sanctus de nostro nascitur ore*. Но за этим внешним сходством кроется сущностное отличие христианской (церковной) риторики от риторики «школьной». В послании к Амвросию и Беату Эннодий показывает холодную силу риторики, способной белое выдать за черное и, наоборот, по своему усмотрению: «Благодаря мне темная совесть покрывается славой; благодаря мне совесть, сияющая собственным светом, покрывается пришедшей извне тьмой, даже если [сама] она не чужда мрачных проявлений» (*Ennod. Op. 452, 15*). Риторика же Киприана направлена на то, чтобы реально улучшить мир, а не сформировать «видимость», создав особое представление о нем.

Также в гимне, обращенном к Киприану, немаловажным оказывается чередование глаголов, стоящих в прошедшем и настоящем времени, на что обращает внимание Фабрицио Бордоне, предложивший скрупулезный анализ текста²⁴. В 6-й строке Эннодий пишет, что Киприан был ярок в словах и воздал долг Христу, используя при этом глаголы *fuit* и *reddidit*, стоящие в форме перфекта, но далее глаголы ставит в форму настоящего времени, указывая, что «оратор просит и получает, / доводами смягчает суровость, / превращает виновных в блаженных, / грехи сокрушая песнею» (*orator orat optinet / et dura causis temperat, / facit beatos ex reis, / peccata rumpens carmine; Ennod. Op. 343, 14–16*). И если первую из процитированных строк можно воспринять как слова о молитве святого, произносимой и ныне с небес, то последующие строки позволяют скорее предположить, что речь идет о силе слов Киприана, сохраняющихся в его литературном наследии. Тем более, что идея бессмертия, обретенного в книгах и через книги, не чужда Эннодию, который во вступлении к «Житию монаха Антония» прямо говорит: «скоротечность смертной природы без всякой

2014. С. 49–59.

²⁴ *Bordone, F. Ennodio e la conversione dell'eloquenza. P. 635, 647.*

баталии одолевается долговечностью красноречия, благодаря которому образ жизни лучших людей, хотя сами они уже сошли в могилу, не ведает смерти. И пусть плоть ушла в землю, а дух, избранный небесами, возвратился к своему Создателю, но все же животворяща кончина тех, чья добропорядочность будет вверена книгам» (*Ennod.* Ор. 240, 2). Подобная оценка могущества литературы служит, конечно же, оправданию тех, кто посвящает свою жизнь литературной деятельности. Ритор делает бессмертными чужие добродетели и сам остается даже после своей смерти (как Киприан) живым наставником для будущих поколений читателей или слушателей.

Подводя итог краткому обзору нескольких поэтических произведений Эннодия, героями которых стали епископы, следует еще раз обратить внимание на ряд моментов. Эннодий, творивший в эпоху, когда гонения на Церковь ушли в прошлое, вслед за своими предшественниками, агиографами V в., создает новый образ христианского святого, чей подвиг состоит уже не в мученической смерти, а в деятельном пастырском служении. Важнейшей частью этого служения оказывается увещание паствы, воспитание ее через слово, борьба с ересями и грехами. В результате не последнее место в характеристике святого-епископа у Эннодия занимает прославление ораторского мастерства пастыря, в чем отразилось как изменение «социального портрета» галльского и италийского епископа V в., — времени, когда к руководству епархиями пришли выходцы из аристократии, так и внутренние поиски самого Эннодия. Портреты епископов-риторов Эннодий создает именно тогда, когда пытается решить для себя вопрос о собственном риторском прошлом: насколько следует отказываться в новой жизни диакона от своего школьного опыта. Как видим, обращаясь к фигурам медиоланских епископов, а также к фигуре Киприана Карфагенского, Эннодий предлагает новое понимание риторики, которая мыслится как божественный дар, которым нужно верно распорядиться. Поставленная на службу Христу и церкви риторика не только может служить во спасение паствы, но и обеспечивает бессмертие самому оратору.

Информация о статье

Тюленев, В. М. Епископы-риторы в эпиграммах и гимнах Эннодия, В кн.: *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего нового времени*. 2022. Вып. 6 (2). С. 63–80.

Тюленев Владимир Михайлович, д-р ист. наук, профессор, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет (153025, Россия, Иваново, ул. Ермака, 39)

tyulenevvl@yandex.ru

УДК 94(4)“5”

В статье рассматривается вопрос о понимании Эннодием, медиоланским диаконом начала VI в., места и роли риторики и вообще литературного творчества в жизни священнослужителя. При этом первостепенное внимание уделено нескольким эпиграммам Эннодия, посвященным миланским епископам, а также двум гимнам (в честь Амвросия Медиоланского и Киприана Карфагенского). В частности, показано, что Эннодий, рисуя портреты епископов, ориентируется на новую модель святости, в основе которой лежит пастырское служение святого-епископа. При этом доказывается, что важным элементом образа церковного пастыря выступают у Эннодия красноречие и литературное творчество. Оправдание красноречия Эннодий строит на том, что признает его в качестве божественного дара, требующего со стороны церковного проповедника ответного дара. В результате священнослужитель, искусно владеющий словом, не только может, но и должен заниматься литературным творчеством, обращая его на службу Христу. Подобное оправдание риторики рождается у Эннодия на фоне его внутренней борьбы, желания отказаться от прежних увлечений риторикой в пользу созерцательной жизни. Эпиграммы и гимны Эннодия становятся предметом изучения в отечественной науке впервые.

Ключевые слова: Эннодий, Поздняя Античность, эпиграммы, гимны, риторика, образ епископа

Information on the article

Tyulenev, V. M. The Bishops-Rhetoricians in the epigrams and hymns of Ennodius, in: *Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture*, 2022. Vol. 6 (2). P. 63–80.

Tyulenev Vladimir Mihajlovich, Doctor of History, Professor of the Department of General History and International Relations, Ivanovo State University (153025, Ivanovo, Ermak str. 39)

tyulenevvl@yandex.ru

The article considers the question of understanding by Ennodius, the Mediolan Deacon of the beginning of the 6th century, the place and role of rhetoric and literary creative work in general in a clergyman life. Thus, primary attention is paid to several epigrams by Ennodius dedicated to the bishops of Milan, as well as two hymns (in honor of Ambrose of Milan and Cyprian of Carthage). In particular, it is shown that Ennodius, while depicting bishops, is guided by a new model of holiness, which is based on the pastoral ministry of a saint-bishop. At the same time, it is proved that Ennodius regards eloquence and literary creativity as important elements of the image of a church pastor. Ennodius bases the justification of eloquence on the fact that it is a divine gift, which requires a reciprocal gift from the church preacher. As a result, a clergyman who owns the word artfully, not only can, but also should be engaged in literary creative work, turning it to the service to Christ. Such a justification of rhetoric Ennodius develops in the background of his internal struggle, the desire to abandon his previous passion for rhetoric in favor of contemplative life. For the first time epigrams and hymns by Ennodius become the subject of study in Russian science.

Keywords: Ennodius, Late Antiquity, epigrams, hymns, rhetoric, image of the Bishop

Список литературы и источников / References

Alfonsi, L. Ambrogio in Ennodio, in: *Ambrosius episcopus. Atti del Congresso Internazionale di studi ambrosiani nel XVI Centenario della elezione di sant'Ambrogio alla cattedra episcopale (Milano 2-7 dicembre 1974)* / A cura di G. Lazzati. Milano, 1976. Part 2. P. 125-129.

Bordone, F. Ennodio e la conversione dell'eloquenza. L'hymnus sancti Cypriani (carm. 1.12H=343V), in: *Athenaeum. Studi di Letteratura e Storia dell'Antichità*. Vol. 101/2. Pavia, 2013. P. 621-667.

Collins, S. From Martyrs' Cults to Confessors' Cults in Late Antique Milan: The Mosaics of San Vittore in Ciel d'Oro, in: *Journal of Late Antiquity*. Vol. 5. No. 2. 2012. P. 225-249.

Di Rienzo, D. Gli Epigrammi di Magno Felice Ennodio. Napoli, 2005. 266 p.

Ennodius, M. F. Opera / Rec. F. Vogel // MGH AA Bd. 7. Berlin, 1885. LXIII+419 S.

Gioanni, S. Augustin, Paulin, Ennode et les origines de la mémoire d'Ambroise (V-VIe siècles). Une nouvelle fondation de l'Église de Milan? / a new foundation of Milan Church?, in: *La mémoire d'Ambroise de Milan. Usages politiques d'une autorité en Italie (V-XVIIIe siècle)* / Ed. P. Boucheron et S. Gioanni. Paris, 2015. P. 235-252.

Hitchcock, F. R. M. Venerius, bishop of Milan – II, in: *Hermathena*. No.71. 1948. P. 19-35.

Kennell, S. A. H. Magnus Felix Ennodius: a gentleman of the church. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2000. 256 p.

Sogno, C. B., Storin, K., Watts, E. J. (Eds.). Kennell, S. A. H. The Letter Collection of Ennodius of Pavia, in: *Late Antique Letter Collections. A Critical Introduction and Reference Guide*. Oakland, 2017. P. 369–383.

Marconi, G. Commendatio in Ostrogothic Italy: Studies on the Letters of Ennodius of Pavia, in: *Studia Patristica*. Vol. 69. 2013. P. 187–196.

Mulligan, B. The Poetry of Ennodius: Translated with an Introduction and Notes. Routledge, 2022. 266 p.

Prontera, A. La *laus litterarum* di Ennodio (dict. 12 = 320V.): appunti per un commento, in: *Incontri di filologia classica XVII (2017–2018)*. Edizioni Università di Trieste, 2019. P. 293–325.

Schröder, B. Bildung und Briefe im 6. Jahrhundert: Studien zum Mailänder Diakon Magnus Felix Ennodius. Berlin: De Gruyter, 2007. XI+399 S.

Urlacher-Becht, C. Les Hymnes d'Ennode de Pavie: un «Noeud inextricable»? , in: *Atelier de Traduction*. Vol. 9. 2008. P. 125–136.

Vandone, G. Status ecclesiastico e attività letteraria in Ennodio: tra tensione e conciliazione, in: *Atti della prima giornata ennodiana: Pavia 29–30 marzo 2000 / A cura di F. Gasti*. Pisa, 2001. P. 89–99.

Арнаутова, Ю. Е. Imitatio Christi: Теологема и литературная модель в бенедиктинской агиографии, В кн.: *Одиссей: человек в истории*. 2014. № 25. С. 99–139. = Arnautova, Yu. E. Imitatio Christi: Teologema i literaturnaya model' v benediktinskoj agiografii [Imitatio Christi: Theologeme and Literary Model in Benedictine Angiography], in: *Odisseus: Man in History*. 2014, № 25. P. 99–139. (in Russian)

Бабина, А. А. Чудеса как элемент модели святого-патрона в галльской агиографии IV–V вв., В кн.: *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. Иваново, 2022. № 1. С. 85–94. = Babina, A. A. Chudesa kak element modeli svyatogo-patrona v gall'skoj agiografii IV–V vv. [Miracles as an element of the patron-saint model in the Gallic hagiography of the IV–V centuries], in: *Ivanovo State University Bulletin*. 2022. Iss. 1. P. 85–94. (in Russian)

Тюленев, В. М. Риторическое знание в системе взглядов Эннодия, В кн.: *Наука и школа*. М., 2012. № 6. С. 156–158. =

Tyulenev, V. M. Ritoricheskoe znanie v sisteme vzgljadov Jennodija [The Rhetorical Knowledge in the system of Ennodius views], in: *Science and School*. 2012. No. 6. P.156–158. (in Russian)

Urlacher-Becht, C. Les Hymnes d'Ennode de Pavie: un «Noeud inextricable»? , in: *Atelier de Traduction*. 2008. Vol. 9. P. 125–136.

Тюленев, В. М. Эннодий: римский ритор в эпоху риторического поворота (к 1500-летию со дня смерти), В кн.: *Средние века*. Вып. 82(1). М., 2021.

С. 151–165. = *Tyulenev, V. M. Ennodius: rimsky ritor v epohu ritoricheskogo povorota (k 1500-letiyu so dnya smerti)* [Ennodius: The Roman rhetorician in the age of the rhetorical turn (on the 1500 anniversary of death)], in: *Srednie veka*, 2021. 82(1). P. 151–165. (in Russian)

Тюленев, В. М. Эннодий — штрихи к портрету раннесредневекового интеллектуала, В кн.: *Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. Вып. 8. СПб., 2010. С. 47–60. = *Tyulenev, V. M. Ennodius — shtrihi k portretu rannesrednevekovogo intellektuala* [Ennodius — touches to the portrait of an Early Medieval intellectual], in: *Studies in mediaeval and early modern social history and culture*. 2010. N 8. P. 47–60. (in Russian)

Эннодий. Амвросию и Беату, В кн.: *Cursor Mundi*. Вып. 6. Иваново, 2014. С. 49–59. = *Ennodius. Amvrosiyu i Beatu* [Ad Ambrosium et Beatum], in.: *Cursor Mundi*. Ivanovo, 2014. No. 6. P. 49–59. (in Russian)